

Литературные замѣтки.

Въ Петербургѣ и Москвѣ выходятъ ежемѣсячно восемь толстыхъ журналовъ съ беллетристическимъ отдѣломъ. Среднимъ числомъ, на каждую книжку журнала приходится около трехъ (а иногда и болѣе) оригинальныхъ произведеній беллетристики. Итого, трижды восемь—двадцать четыре. Дать въ теченіе мѣсяца сколько-нибудь обстоятельный отчетъ о двадцати четырехъ литературныхъ произведеніяхъ, конченныхъ и неконченныхъ, нѣтъ ни возможности, ни смысла, ни цѣли. Не говоря уже о томъ, что на это понадобится бы слишкомъ много мѣста,—писать подробно о такихъ произведеніяхъ, которыя появились нынче только для того, чтобы затра-же бы навсегда и окончательно забытыми,—право, не стоитъ. Притомъ же, большинство произведеній текущей беллетристики такъ похоже другъ на друга и по своимъ немногочисленнымъ и крохотнымъ достоинствамъ, и по своимъ многочисленнымъ и крупнымъ недостаткамъ,—что, говоря о каждомъ въ отдѣльности, пришлось-бы невольно вдаваться въ повторенія. Поэтому, къ дальнѣйшимъ нашимъ бесѣдамъ мы нѣсколько сузимъ свой кругъ и будемъ останавливаться лишь на болѣе выдающихся, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, отдѣльныхъ произведеніяхъ и на такихъ общихъ литературныхъ явленіяхъ, которыя представляются, въ нашихъ глазахъ, особенно характерными.

Въ январской книжкѣ «Русской Мысли» помещенъ рассказъ г. Чехова «Бабы царство». Героини этого рассказа—Анна Акимовна Глаголева, владѣлица огромнаго состоянія и обширнаго фабричнаго дѣла. По своему происхожденію она принадлежитъ къ рабочему классу, въ средѣ котораго и провела свое дѣтство, оставившее въ ней воспоминаніе о чемъ-то счастливомъ и спокойномъ. Теперь, въ 26 лѣтъ, она сама является распорядительницей и хозяйкой тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ прежде смотрѣла какъ на равныхъ себѣ, и душа ея не знаетъ болѣе покоя. Сознаніе, что ради нея работаютъ и надрынаются въ работѣ ты-

сяки людей, близкихъ ей по происхожденію, постоянно терзаетъ ея совѣсть. Да и самое дѣло, дающее ей милліоны, и непонятно, и противно ей. Она чувствуетъ себя чуждой ему, волей-неволей должна подчиняться директору фабрики, распоряженія котораго часто далеко не симпатичны ей, но съ которыми она даже спорить не рѣшается, зная, что онъ и опытный, и свѣдущій въ дѣлѣ. Самыя старанія ея улучшить бытъ рабочихъ, несмотря на массу расходовъ на это денегъ, почти ни къ чему не приводятъ, потому что она не знаетъ, какъ взяться за дѣло. Пробуетъ Анна Акимовна успокоить себя благотворительностью на сторонѣ, въ рабочаго круга, но и здѣсь на каждомъ шагѣ видитъ, что ее обманываютъ, и что ея филантропія приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Да и одиночество гнететъ ее: отъ близкаго и симпатичнаго ей круга простого рабочаго люда она отдѣлена своимъ богатствомъ и положеніемъ хозяйки; а то общество, куда открываетъ ей путь богатство, смотритъ на нее какъ на чужую, и она это сознаетъ. Въ ней всѣ задатки для того, чтобы быть хорошей семьянишкой, женой и матерью; къ этому, въ сущности, и направлены всѣ ея желанія и мысли, но и тутъ ей неудача: ей ужъ 26 лѣтъ, а она все еще сидитъ въ дѣвкахъ, потому что и здѣсь богатство можетъ оказать ей плохую услугу: польстится на ее приданое, а настоящей семейной жизни ей не дадутъ. Да и не встрѣтила еще она человѣка, который по-настоящему затронулъ-бы ея душу. И томится, и мучится бѣдная милліонерша, и не видитъ выхода изъ своего положенія.

Г. Чеховъ беретъ одинъ день изъ жизни своей героини—первый день Рождества, въ теченіе котораго Анна Акимовна приходится сталкиваться и съ тѣми людьми, отъ которыхъ она силою вещей отстала, и съ тѣми, къ которымъ еще не пристала. Ни съ тѣми, ни съ другими не находитъ она удовольствія и успокоенія, но на нижней, черной половинѣ дома, среди своихъ вѣстовыхъ тетушекъ, служащихъ, рабочихъ и

прислуги, ей все-таки спокойнее и легче, чѣмъ въ парадныхъ комнатахъ, гдѣ ей юрисконсультъ, присяжный повѣренный Лысевичъ, изжившійся господинъ декадентскаго типа, невѣрный и не признающій ничего, кромѣ «оригинальныхъ, необыденныхъ первыхъ впечатлѣній», — серьезно убѣждаетъ ее, что въ ея положеніи единственная правильная маніера d'agir, это — тонкій, умѣренный развратъ... На нижней половинѣ, гдѣ всѣ убѣждаютъ ее въ необходимости выйти замужъ (и тамъ, впрочемъ, одна изъ ея приживалокъ держитъ взглядомъ Лысевича и предлагаетъ ей замужество только какъ прикрытіе для грѣшковъ на будущее время), Анна Акимовна хватается за мысль выйти замужъ за какого-нибудь совсѣмъ-совсѣмъ простаго человѣка, который раздѣлялъ-бы только ея взгляды на семейный

очагъ и дѣлалъ-бы ей настоящую семью, и соглашается даже на предложеніе одной изъ своихъ приближенныхъ посватать ей одного изъ ея служанчикъ — Пашенкова. Но когда она снова остается одна, она начинаетъ понимать снова, что все это — несбыточные мечты, что ея положеніе навсегда наложилось на нее цѣпи, которыхъ ей не стряхнуть, и что, несмотря на всѣ вышніи блага жизни, никогда ей не быть счастливой такъ, какъ ей-бы хотѣлось. «Дуры мы съ тобой, дуры», — говоритъ она со слезами своей горничной Манѣ, огорченной, въ свою очередь, тѣмъ, что любимый ею человѣкъ не хочетъ на ней жениться, — а въ этомъ возгласѣ выливается горькое сознаніе ея безсилія передъ тѣмъ вышнимъ положеніемъ, въ которое поставила ее судьба и которое, будучи заманчиво для другихъ, для нея является лишь источникомъ тѣсноты и мученія. Разсказъ г. Чехова читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Правда, онъ написанъ нѣсколько вспѣшно, какъ и большинство вещей, принадлежащихъ перу этого автора; обиліе лицъ, введенныхъ г. Чеховымъ въ этотъ сравнительно небольшой разсказъ на ряду съ главными съ лицомъ, дѣлаетъ фигуру каждаго изъ нихъ нѣсколько блѣдной (за исключеніемъ самой Анны Акимовны); да и фигура адвоката Лысевича кажется намъ капельку утрированной. Но въ общемъ — разсказъ написанъ живо, просто и

характерно, а главное — чуждъ того отпечатка банальности, которымъ отличается большинство современныхъ литературныхъ произведеній. Личности героини, то положеніе, въ которое она поставлена, и тѣ душевныя перипетіи, которыя она переживаетъ, — если и не вполне новы въ литературѣ (бытописатели нашей крупной мученической среды уже отмѣчали эту черту — какъ-бы страха передъ богатствомъ, отчужденіе къ нему и сознаніе своей неправоты передъ другими — въ людяхъ, судьбою поставленныхъ въ положеніе богатѣй, отъ которыхъ закрываютъ судьбы тысячи людей), то, во всякомъ случаѣ, относятся въ авторѣ живую наблюдательность и, такъ сказать, самостоятельное отношеніе къ предмету, недопускающее уже проторенныхъ путей и стремящееся найти новыя и въ жизни средѣ, лицахъ и явленіяхъ. Простой разсказъ г. Чехова обладаетъ и тѣмъ достоинствомъ, что избранная имъ тема несколько заставляетъ читателя задуматься надъ нѣкоторыми вопросами общественной и личной морали. Это не просто, зауряднаго человѣка (и темъ болѣе женщины), неподготовленнаго ни воспитаніемъ, ни жизнью ни къ личной, ни къ общественной дѣятельности, жаждущаго лишь самаго обыкновеннаго, обыкновеннаго, личнаго счастья и въ этомъ смыслѣ поставленнаго обстоятельствами въ нѣкую тѣнью, несвойственныхъ ему, отдаленныхъ правъ и обязанностей передъ людьми и передъ Богомъ, — такое положеніе не можетъ не вызывать на размышленіе о томъ, какъ же оно, что въ такихъ случаяхъ нужно дѣлать, какъ же съ честью выйти изъ такого положенія, какъ же при помощи обычныхъ, общепринятыхъ принциповъ личной морали. Разсказъ г. Чехова — дѣлать на это отвѣтъ, — онъ ставитъ лишь вопросъ, но и на томъ спасибо!...

Въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» идетъ продолженіе «Перебала». Опять — масса новыхъ лицъ, какъ въ колѣдоскопѣ проходящихъ передъ читателемъ. Тутъ и предводитель дворянства старой формации, Болрицъ, убѣжденный консерваторъ, съ довольно туманными воззрѣніями, и поступившій «по принципамъ» въ земскіе начальники Ястребовъ, и почетный мировой судья

бывъ Обдоинъ, проповѣдующій какіе-то «духовные кадры» въ родѣ арабчевскихъ восточныхъ поселеній, и старый тегеліанецъ князь Иларіонъ, отдавшій всю свою землю крестьянамъ и живущій на ихъ изжившій въ маленькой избушкѣ, и ученая дама Акридина, сстижавшая себя громкую извѣстность трудами по археологій, и пріятельница Лыжина—Ида Радина, убившая молодость на двѣ сильныхъ, но одинаково неудачныхъ любви и переѣхавшая затѣмъ въ деревню, чтобъ отдаться какому-нибудь общественному дѣлу, и еще много другихъ лицъ. Все они очерчены пока двумя-тремя штрихами, поверхностно, вскользь, и останавливаться на нихъ мы теперь не будемъ, тѣмъ болѣе, что и отношеніе ихъ къ главной темѣ въ вообще ихъ значеніе въ романѣ пока еще не выяснилось. Отметимъ лишь одну г-жу Акридину, и не потому, чтобъ она была особенно яркой или доминирующей фигурой въ этой части романа, — итъ: это лицо въ романѣ г. Боборыкина интересуетъ насъ, такъ сказать, по связи съ женскими лицами нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ произведеній послѣдняго времени. Въ одной изъ прошлыхъ бесѣдъ мы упоминали о разсказахъ г-жы Стеризъ и Пелидовой, въ которыхъ выведены женщины самостоятельнаго интеллигентнаго труда и притомъ уже немалодня. Акридиной тоже уже сильно за тридцать и такъ-же, какъ лица двухъ названныхъ разсказовъ, она, неудовлетворенная ни своей дѣятельностью, ни своей извѣстностью въ научномъ мірѣ, томится своимъ одиночествомъ, отсутствіемъ личной жизни и личного счастья, семьи и любящаго ее человѣка. Г. Боборыкинъ, по свойственной ему наклонности, придалъ этому настроенію Акридиной лишь болѣе игривый характеръ, свелъ его къ менѣе, такъ сказать, платоническимъ мотивамъ. Но дѣло не въ этомъ. Черта, которую отмѣчаютъ гг. Стеризъ, Пелидова и Боборыкинъ,

а пожалуй и г. Чеховъ, — и не новая, и вполнѣ естественная. Но то обстоятельство, что усиленно подчеркивается она именно въ женщинахъ самостоятельной дѣятельности и интеллигентнаго тру-

да, можетъ вызвать нѣкоторые недоразумѣнія и недоумѣнія. Съ одной стороны, выходитъ какъ будто, что самостоятельная разумная женская дѣятельность устраняетъ возможность личной жизни, семьи, любви со стороны мужчины; а съ другой — получается впечатлѣніе, что такая дѣятельность вообще неспособна удовлетворить женщину, нецелесообразна для нихъ, является только прибѣжищемъ отъ неудачъ личной жизни, и что любая женщина всегда въ сущности, готова промѣнить свою самостоятельность и свою дѣятельность на прелесть семейной жизни, какъ Исава промѣняла свое первородство на чечевичную похлебку. Быть можетъ, авторы и не хотѣли этого сказать, но впечатлѣніе складывается именно такое. Въ романѣ г. Боборыкина оно находитъ себѣ еще подтвержденіе и въ лицѣ Иды Радиной, которая только послѣ неудачной любви вернулась въ Россію, чтобы заняться какимъ-нибудь общественнымъ дѣломъ. Оба эти положенія едва-ли справедливы, но крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила. Развѣ мало знаемъ мы женщинъ, посвятившихъ себя искусству, наукѣ или инымъ видамъ дѣятельности — частной или общественной, — и въ то-же время сужавшихъ или не найдя себѣ семью и очагъ? Развѣ мало знаемъ мы и такихъ женщинъ, которые дѣлаютъ дѣло именно ради потребности приносить пользу, а не въ видѣ лѣкарства отъ неудачъ въ личной или семейной жизни, — и не только не ищутъ но что-бы то ни стало таковой, но и не находятъ въ ней удовлетворенія. Безспорно, горизонтъ массы женщинъ не идетъ такъ далеко впередъ; безспорно, для многихъ изъ женщинъ, избравшихъ и иной путь, самостоятельная разумная дѣятельность — или игрушка, или маразмъ, призракъ, которыми онѣ обманываютъ самихъ себя. Но изводить это изъ общаго правила не позволяетъ сама жизнь, дающая много и обратныхъ примѣровъ. И ужъ, во всякомъ случаѣ, тѣ построения и тѣ выводы, къ которымъ приходятъ выведенныя во всѣхъ этихъ повѣстяхъ женщины, слѣдуетъ отнести не къ общимъ свойствамъ женской натуры, а къ личнымъ качествамъ ума, темперамента и душевнаго склада лишь *большаго* женщинъ и къ условіямъ ихъ среды и ихъ воспитанія.

В. П.